

Л. В. Енина, Л. В. Зубова
Екатеринбург, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ НА ПОЛЕ КОМИЧЕСКОГО В МАССМЕДИА: СМЕШНЫЕ И СЕРЬЕЗНЫЕ

АННОТАЦИЯ. Цель настоящей статьи — рассмотреть закономерности появления российских политических фигур в юмористической программе и показать их роль в производстве комического. В качестве основного теоретического аппарата применяется концепция дискурса и дискурсивных практик, выдвинутая М. Фуко. В символической реальности российских массмедиа, в досуговом направлении журналистики сближение или отдаление комического и политического определяется в том числе советскими традициями социально-политической уместности смеха. В современном дискурсе комического отсутствуют идеологически заданные объекты осмеяния, зато присутствуют объекты без смехового разоблачения — ведущие государственные политики, выступающие символами российского публичного идеологического пространства. Также российские политики выступают субъектами дискурса комического. Последнее расширяет диапазон идентификаций политика, основанных не только на его политическом статусе, и говорит о большей открытости сферы политического по сравнению с советским временем. Выявлено, что в качестве основного признака различения политических фигур и их дискурсивного объединения/разъединения со зрительской аудиторией выступает ценностный аспект — морально-этическая норма. Соблюдение традиционно одобряемого морально-этического кода не всегда становится позитивной (само)идентификацией политика. Исследование выполнено на материале программы «Вечерний Ургант».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурс комического; дискурсивные практики; идентичность; журналистика сферы досуга.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Енина Лидия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики департамента журналистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; адрес: 620051, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: enina.lidia@gmail.com.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Зубова Лариса Викторовна, старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках Института социально-политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; адрес: 620051, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: zubovalv@el.ru.

В современной российской публицистике выделено досуговое направление журналистики, цель которого определяется как «воспитание навыков культурного времяпрепровождения — расширение образовательного кругозора читателя, удовлетворение аудиторного запроса на приобщение к мировой культуре и культуре данного общества, распространение культурных ценностей, развитие потребительских знаний читателей (зрителей), а уж потом отдых и релаксация» [Журналистика сферы досуга 2012: 10]. На наш взгляд, названная в ряду других масштабная целеустановка «распространение культурных ценностей» свойственна всему дискурсу массмедиа, а не только выделенному направлению. Приверженность определенным ценностям — сигнал идентичности, понимаемой как отнесенность субъекта или группы к некоторому (воображаемому) сообществу. Смех — явление социальное, и в юмористических программах смех является единой реакцией на некоторое высказывание и становится одним из различительных идентификационных механизмов участников коммуникации. В советскую эпоху комическое успешно выполняло политико-идеологическую функцию: «...смех в советской России оказался еще одним способом, с помощью которого можно было выучиться „говорить по-большевистски“. Смех вошел в арсенал боевых средств, задействованных в процессе формирования индивидуальных и коллективных идентичностей нового — рабочего — класса. Как аппарат коррекции смех выставлял на всеобщее посмеище личные слабости, обозначая при этом возможности для их преодоления. Как аппарат различения смех выполнял важную задачу социальной стратификации, проводя дискурсивную границу между друзьями и недругами в условиях, когда материальные различия оказались неочевидными или неважными» [Ушакин 2013: 151].

В символической реальности российских массмедиа сближение или отдаление комического и политического определяется разными факторами, в том числе советскими традициями. Советское наследие взаимодействия политического и комического исследователями оценивается по-разному. Так, В. В. Васильева видит динамику этого взаимодействия в зависимости от потребностей аудитории: в период политического затишья телеаудиторию волнует комическое осмысление бытовых перипетий, как, например, было в программе «Кабачок „13 стульев“», а в период политических баталий — острополитические шутки, как, например, в КВНе 60-х [Васильева 2012: 198]. Е. Добренко считает, что в советское время сближение комического и политического, например, в художественной литературе, зависело от насущных государственных задач, что советский смех был *направленным* на идеологически заданные явления [Добренко 2013]. С позиции С. Ушакина, позднесоветские смеховые жанры никогда не теряли социально-политической уместности, совершенствуясь в искусстве «писать смешно» [Ушакин 2013].

Цель настоящей статьи — рассмотреть закономерности появления российских политических фигур в юмористической программе и показать их роль в производстве комического. Рассматривается только вариант публично приемлемого дискурса комического. Относительно понятия дискурса мы придерживаемся подхода М. Фуко: дискурс, будучи подвижной структурой, испытывает воздействие социокультурных механизмов регуляции и контроля, придающих ему некоторый «порядок», этот «порядок дискурса» создает некоторые закономерности для текстопроизводства в данном дискурсе [Фуко 1996]. В исследовании применяются методы лексико-семантического, стилистического, дискурс-анализа.

Материалом для исследования была выбрана программа «Вечерний Ургант» (далее — «ВУ») по следующим причинам: во-первых, это популярная программа, имеющая высокий рейтинг среди российских зрителей; во-вторых, она выходит на Первом канале, который можно рассматривать как главный телеканал страны, с 51 % акций в собственности у государства. Выборка материала проводилась в два этапа: вначале был проведен качественный и количественный анализ программ за недельный период с 25 ноября 2013 г. по 29 ноября 2013 г. включительно (запись и расшифровка осуществлена студенткой департамента «Факультет журналистики» УрФУ Валерией Чимровой. Общая протяженность записи составила 3 часа); далее полученные на основе сплошной выборки результаты уточнялись и корректировались с привлечением других выпусков программы с 2012 по 2015 г. методом случайной выборки.

С точки зрения тематики «ВУ» содержит обсуждение российских и мировых новостей политики, экономики, киноиндустрии, музыки, социальных сетей, технических новинок (гаджетов) и пр. Большинство тем интерпретируется и комментируется с установкой на комический эффект, который достигается с помощью особых речевых жанров и приемов языковой игры. Темы, связанные с российской политикой, присутствуют практически в каждом выпуске и носят как курьезный, так и серьезный характер.

Практики отбора представителей российской политики в программу «ВУ», как показал анализ, прежде всего основаны на их принадлежности к исполнительной или законодательной власти. Исключаются из персонажей представители судебной власти и правоохранительных органов, а также не были зафиксированы в качестве участников программы политики, оппозиционно настроенные к государственной власти. В качестве персонажей могут выступать ведущие политики: президент, премьер-министр, член правительства или лидер парламентской партии — и политики, условно говоря, второго ряда — региональные или городские: губернатор, мэр, депутат городской думы. На наш взгляд, практики отбора политических персонажей подчиняются некоторой логике политического контроля над объектами и субъектами комического. Логика политического контроля не в том смысле, что существует цензура, а в том, что существуют *правила* официального политического дискурса, в соответствии с которыми происходит селекция политических фигур для появления их в качестве персонажей в рейтинговой развлекательной программе [см. также: Енина 2015]. Благодаря практикам отбора и исключения политических фигур в программе формируется точка зрения на политическое пространство как однородное, не имеющее идеологических противников — в этом, на наш взгляд, сохраняется политическая уместность комического, выработанная в советских смеховых традициях.

Кто же является объектом смеха в однородном политическом пространстве? Смеховыми объектами становятся политики, которые занимают нижние ступени власти. Это похоже на механизм советской политической сатиры, суть ко-

торого в том, что осмеянию подвергается не система, но ее второстепенный персонаж: «...речь всякий раз идет о характеристиках *конкретного* носителя бюрократического зла, о провинностях героя, но не о системности этих персонажей» [Добренко 2013: 171]. Например, в «ВУ» от 29 ноября 2013 г. демонстрировался сюжет о мэре Липецка: *Друзья, в Липецке есть мэр. Его зовут Михаил Владимирович Гулевский. И вот это видео подтверждает, что жители Липецка не ошиблись, когда выбрали именно этого мэра.* Далее показаны фрагменты разных интервью, в которых М. В. Гулевский обещает открыть новую трассу, но дата открытия каждый раз меняется. Наконец, на очередной вопрос журналиста звучит произвольное саморазоблачение Гулевского: *А кто обещал? Я?... Ну че вы пристали с этой дорогой? Ну че вы пристали? Я обещал... кто-то еще обещал... Как сделаем, мы вас пригласим.*

После показа сюжета следуют комментарии ведущих «ВУ»: *Михаил Владимирович на самом деле честен... Он не называл год... Он просто готовил сюрприз жителям к четырехсотлетию Липецка... сейчас городу 310.* Суть комментариев сводится к тому, что несоответствие личных качеств мэра Липецка общественно одобряемым моральным качествам руководителя делает его смешным и выводит за пределы социально «своих».

Объектами смеха становятся и члены семей региональных политиков. Так, сообщается, что *супруга депутата от КПРФ калининградской городской думы Игоря Ревина внесла в декларацию о доходах информацию о недвижимом имуществе за рубежом — 1987 кв. м в Таиланде* (ВУ от 21.04.2015). Отсутствие прямых дискурсивных сигналов комического компенсируется недискурсивными практиками — демонстрируется коллаж с изображением самолета, в иллюминаторах которого видна тепличная рассада. Включение в коллаж бытовых деталей уменьшает серьезную политическую составляющую сообщения и увеличивает комическую: «Смех мешает нам относиться серьезно к происходящему» [Бергсон 1992: 89]. Различия в материальности обеспеченности *супруги депутата* и массовой зрительской аудитории настолько очевидны, что роль смеха здесь состоит в приглушении этих различий, сведении их к морально-нравственному коду.

Мэр Липецка, жена депутата калининградской городской думы, мэр Йошкар-Олы и подобные фигуры — это персонажи, которых смех дискурсивно отдаляет от зрительской аудитории: идентификация российских политиков регионального и городского уровня осуществляется с точки зрения нарушения норм общественной морали, но политических последствий для них обнародование этой информации не имеет. Смех над ними придает программе легкий сатирический оттенок, но не становится «аппаратом коррекции», в отличие от принципов советской сатиры.

Крупные российские политики для участия в центральной для программы беседе с Иваном Ургантом приглашаются редко. Так, в начале осеннего телевизионного сезона 2012 г. в программу были приглашены М. Д. Прохоров — лидер непарламентской партии «Гражданская платформа» (ВУ. 26.09.2012), С. В. Лавров —

министр иностранных дел РФ (ВУ. 24.10.2012), В. В. Жириновский — лидер парламентской партии ЛДПР (ВУ. 30.11.2012). В дальнейшем из представителей российской политики гостем программы неоднократно становился только Владимир Жириновский.

На наш взгляд, включение политика в дискурс комического на правах субъекта речи способствует личностному восприятию политика массовой аудиторией, расширяет диапазон его идентификаций, основанных не только на политическом статусе, и говорит о большей открытости сферы политического по сравнению с советским временем. Быть субъектом дискурса означает включиться в процесс его присвоения, иначе говоря, обрести «право собственности на дискурс — воспринимаемое одновременно как право говорить, как компетентность в понимании, как узаконенный и непосредственный доступ к корпусу уже сформулированных высказываний» [Фуко 2004: 142]. Производство и поддержание комического дискурса состоит в реализации дискурсивных практик остроловия, языковой игры [Гридина 1996; Плотникова 2003], в праве выдвижения объектов осмеяния, которые выполняют идентификационную функцию для политического деятеля и его соперников.

Вышедшие в 2012 г. программы с участием политиков показательны с точки зрения того, как взаимодействуют практики политического дискурса [Шейгал 2000] и дискурса комического: комические приемы подчинены политическим задачам. Так, высказывания С. Л. Лаврова и В. В. Жириновского сходны тем, что в них объектом осмеяния выступают их политические оппоненты: у Лаврова — *Хиллари Клинтон*, у Жириновского — *Зюганов*. Смех над политическими оппонентами означает символическую борьбу за лидерство на политическом поле, пусть и в юмористической программе. Например, В. Жириновский описывает свой рабочий кабинет: *Этажом ниже стул в стул сидит Геннадий Зюганов, просверлил дырочку наверх ко мне: подсматривает, подслушивает и потом, что я говорю, появляется в документах КПРФ* (ВУ. 30.11.2012). В дискурсе комического не всегда требуются практики достоверности [Майданова, Чепкина 2011], и здесь смех над «разоблачением» политического соперника есть способ позитивной самоидентификации и символический знак политического лидерства.

Однако отказ в следовании традиционным одобряемым нормам речевого поведения парадоксально становится способом позитивной идентификации. Так, в следующем фрагменте преодоление дискурсивной границы соблюдения правил приличия среди «чужих» вызывает громкий совместный смех и аудитории, и обоих собеседников:

Ургант: *Вы когда-нибудь матерились в присутствии людей, которые по-русски не понимают?*

Лавров: (пауза) *Многократно!* [1]

Смех в данном случае делает «своими» всех участников коммуникации и противопоставляет их широкой группе *не понимающих по-русски* и не опознающих по этой причине грубого речевого регистра.

Михаил Прохоров — нетипичный гость для программы: он не является представителем органов государственной власти, но участвовал в президентских выборах 2012 г. Когда ведущий представляет М. Д. Прохорова, прямое указание на политический статус, как это было в беседе с С. Л. Лавровым и В. В. Жириновским, отсутствует, хотя на момент программы Прохоров был лидером партии «Гражданская платформа». Представление содержит иронию по отношению к Прохорову: *Сегодня у нас в гостях человек, которого мы очень давно ждали... к нам, сюда, в гости... Михаил Прохоров! ...Много вопросов накопилось с нашей последней встречи. Мы часто встречаемся в телевизионном эфире, но поскольку в ближайшее время президентских выборов не предвидится, тема у нас другая сегодня. Ну что сейчас происходит с баскетболом в Соединенных Штатах Америки, а именно с командой, которая сейчас называется „Бруклин нетс“* (ВУ. 26.09.2012). Политические темы в беседе не поднимаются.

Дискурсивно М. Прохоров не соответствует статусу политика: он не вступает с ведущим в состязание за коммуникативное лидерство, а тематически следует за ним. В его речи отсутствуют политические соперники в качестве объектов осмеяния, и он не опровергает невыгодную для себя идентификацию со стороны ведущего: *младший брат Ирины Прохоровой*. Он не столько производит комический дискурс, сколько поддерживает его: смеется над шутками Ивана Урганта, в которых объектом осмеяния выступает в том числе персонаж «Михаил Прохоров». Со стороны ведущего идентификация М. Прохорова через бытовые смыслы о том, как *варить суп, подшивать брюки* и сколько стоит в аптеке *настойка боярышника*, контрастирует с первым вопросом о том, зачем он купил американскую баскетбольную команду. Этот контраст практик идентификаций вызывает смех, объектом которого становится М. Д. Прохоров.

Политический деятель может оказаться и, так скажем, «формальным» субъектом дискурса комического. Это происходит благодаря соведущему, который использует прием, описанный Д. С. Лихачевым применительно к средневековому смеху: «Авторы притворяются дураками, валяют дурака, делают нелепости и прикидываются непонимающими» [Лихачев 1987: 347; см. также: Бахтин 1990]. Одна из соведущих Ивана Урганта ведет рубрику «Острый репортаж с Аллой Михеевой», и ее дискурсивные и недискурсивные действия не выходят за пределы игрового процесса самоидентификации, поэтому вступление с ней в диалог уже втягивает собеседника в дискурс комического. Алла Михеева придает смеховой аспект различным сторонам общественной жизни, в том числе посещает, например, посольство Мексики в Москве или ведет «репортаж» из Государственной думы. В последнем случае она задает депутатам вопрос, как они провели летние каникулы. На ее вопрос отвечают А. Нарышкин (*у озера, у реки, в деревеньке*), С. Митрофанов (*в Италии и в Хорватии*), В. Жириновский (*отвратительно*), И. Кобзон (*провел с внучками, провел с семьей*), А. Беляков (*по окраине родины*

нашей, по Сибири, правда, Сибирь это не окраина, а центр) и др. Примечательно, что для этих депутатов не требуются титры с именами, потому что их лица узнаваемы: они частые гости на телеэкранах. Хотя в этой коммуникативной ситуации они и являются субъектами дискурса комического, их вклад в смеховое начало минимален, большинство ответов не имеет смехового эффекта. Всю комическую нагрузку этого сюжета несет Алла Михеева: намеренное косноязычие, речевые ошибки и бытовая тематика вопросов. Политическое в данном случае не вступает во взаимодействие с дискурсом комического, а присутствует в нем ради значимости самого присутствия, повторяя логику журналистского дискурса: «Логика взаимодействия политических персон со СМИ часто приводит к тому, что заявление политика может иметь первой целью именно возможность его публикации или сообщения о нем на телевидении, радио, в новостных лентах» [Чепкина 2012: 76].

В анализируемом дискурсе комического также следует отметить ряд политических персонажей, которые не являются ни субъектами комического, ни объектами смехового разоблачения; их главная и единственная идентифицирующая характеристика — положительная оценка. Эти объекты — основные для журналистского дискурса, ведущие персонажи политического дискурса, и в дискурсе комического они повторяются как символы российского публичного идеологического пространства. Появление этих персонажей обычно обеспечивается информационным поводом и отвечает актуальности программы, информация о них не выходит за рамки фактической, но является вторичной, так как уже была распространена в новостном сегменте журналистского дискурса. Например, персонаж «Президент РФ»: *Вчера Владимир Путин провел несколько важных встреч в Италии, одна из которых состоялась в Ватикане с Папой Римским Франциском. Получается, самый влиятельный человек в мире по версии журнала Форбс [встретился] с самым влиятельным человеком по версии газеты „Ватиканская правда“* (ВУ. 26.11.2013). Смеховой эффект создается за счет сопоставления влиятельности персонажей по источникам информации: авторитетный экономический журнал *Форбс* и несуществующая *Ватиканская правда*.

Так, о назначении А. Ткачева министром сельского хозяйства сообщается даже в двух выпусках программы (ВУ от 23 апреля 2015 г. и от 24 апреля 2015 г.): *Важная новость этой недели: в Министрство сельского хозяйства пришел новый министр Александр Ткачев, который был губернатором Краснодарского края, и на его работе обязательно скажется тот позитивный опыт, который он получил во время проведения Олимпийских игр в Сочи. Теперь есть большая вероятность, что мы будем наблюдать красочные открытия и закрытия сельскохозяйственного сезона* (ВУ. 24.04.2015). Отметим, что в приведенных примерах позитивная оценка не связана с морально-этическим основанием.

По нашим предположениям, дублирование информации об этих объектах в публичном пространстве, в том числе дискурсе комического, создает перформативный эффект — повторяю-

щиеся позитивные смыслы, идентифицирующие эти объекты, формируют идеологическую норму, которая существует и одновременно утверждает-ся благодаря воспроизведению этих дискурсивных практик: «...успешность перформатива достигается тогда, когда он порождает те обстоятельства, на которые ссылается» [Каллер 2006: 113; см. также: Остин 1999; Юрчак 2014]. Это приводит нас к выводу, что в анализируемом дискурсе комического есть идеологически заданные объекты с постоянной позитивной оценкой — ведущие государственные политики, при этом отсутствуют идеологически заданные объекты осмеяния, как это было в советском дискурсе, осмеяние связано только с нарушением общественной морали, а не с политико-идеологической нормой, и смех не выполняет функцию идеологической коррекции.

В целом пространство, дискурсивно конструируемое в программе «ВУ», можно охарактеризовать как пространство общего благополучия, где политическое предстает достаточно однородным и репрезентируется, как правило, представителями российской исполнительной и законодательной власти. В качестве основного признака различия политических фигур и их дискурсивного объединения / разъединения со зрительской аудиторией выступает ценностный аспект — морально-этическая норма, но следование ей или ее нарушение представителями власти оценивается в дискурсе комического непоследовательно.

Таким образом, рассматриваемый дискурс комического, принадлежащий досуговому направлению российской журналистики, по выбору и исключению объектов осмеяния сходен с советским публичным дискурсом комического: основная предметная сфера осмеяния — отступление отдельных региональных и местных политиков от морально-этической нормы. Ведущие политики государства обычно имеют позитивную оценку и обретают ее даже в том случае, если признаются в нарушении этических норм. Ряд политических фигур присутствует в дискурсе комического как позитивный идеологически значимый объект, не подвергаемый осмеянию.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Этот диалог состоялся в 2012 г., а в 2015 г. предметом широкого обсуждения в СМИ стало нецензурное высказывание С. Лаврова на пресс-конференции глав дипломатических ведомств Российской Федерации и Саудовской Аравии 11 августа 2015 г. Официальный представитель МИДа Мария Захарова заявила, что «ничего не услышала такого» [МИД прокомментировал прозвучавшее...]. Это говорит о том, что публичные нарушения норм речевой этики находятся в зоне общественного осуждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. — М.: Худож. лит., 1990.
2. Бергсон А. Смех. — М.: Искусство, 1992.
3. Васильева В. В. Эволюция юмористических передач на телевидении // Журналистика сферы досуга: учеб. пособие / под общ. ред. Л. Р. Дускаевой, Н. С. Цветовой. — СПб.: Высшая школа журн. и мас. коммуникаций, 2012. С. 196—202.
4. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. — Екатеринбург, 1996.

5. Добренко Е. Гоголи и Щедрины: уроки «положительной сатиры» // НЛЮ. 2013. № 121. С. 163—191.
6. Енина Л. В. Российские политические персонажи в дискурсе комического // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 6 : Журналистика. С. 114—118.
7. Журналистика сферы досуга : учеб. пособие / под общ. ред. Л. Р. Дускаевой, Н. С. Цветовой. — СПб. : Высшая школа журн. и мас. коммуникаций, 2012.
8. Каллер Д. Теория литературы: краткое введение. — М. : Астрель : АСТ, 2006.
9. Лихачев Д. С. Смех в Древней Руси // Избр. раб. / Д. С. Лихачев. — Л., 1987. Т. 2.
10. Майданова Л. М., Чепкина Э. В. Медiatekst в идеологическом контексте. — Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011.
11. МИД прокомментировал прозвучавшее из уст Лаврова слово «дебилы» // РБК. 2015. 12 авг. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/55cb30d79a79476083ad88bb0>.
12. Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов? // Избр. / Дж. Остин. — М. : Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13—135.

L. V. Enina, L. V. Zubova
Ekaterinburg, Russia

POLITICAL FIGURES ON THE BACKGROUND OF THE COMICAL IN MASS MEDIA: FUNNY THINGS AND SERIOUS STUFF

ABSTRACT. *The purpose of this article is to consider trends of appearance of Russian political figures in a comic show and discover their role in production of the comical. Michel Foucault discourse and discursive practices concept is applied as a basic theoretical apparatus. Convergence or estrangement of the comical and the political in the symbolic reality of the Russian mass media of leisure is determined by the Soviet tradition of social and political relevance of laughter among other things. There are no ideologically defined objects of ridicule in today's comical discourse, but there are objects without the comical disclosure — the leading state politicians as the symbols of the Russian public ideological space. Russian politicians are the subjects of the comical discourse as well, and it extends the range of political figures identifications, based not only on their political status and shows greater transparency of today's political realm compared with Soviet times. It is revealed that the value aspect — moral and ethical standards, serves as the main distinguishing feature of political figures and discursive unity / separation with the viewing audience. Compliance of the traditionally approved moral and ethical code does not always improve a politician's positive (self-) identification. The study was performed on the material of the "Evening Urgant" comic show.*

KEYWORDS: *comical discourse; discursive practices; identity; leisure activity journalism.*

ABOUT THE AUTHOR: Enina Lidiya Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian and Stylistics, Faculty of Journalism, Institute of Humanities and Arts, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

ABOUT THE AUTHOR: Zubova Larisa Viktorovna, Senior Lecturer of Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Institute of Social and Political Sciences, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa. — М. : Khudozh. lit., 1990.
2. Bergson A. Smekh. — М. : Iskustvo, 1992.
3. Vasil'eva V. V. Evolyutsiya yumoristicheskikh peredach na televidenii // Zhurnalistskaya sfera dosuga : ucheb. posobie / pod obshch. red. L. R. Dускаевой, N. S. Tsvetovoy. — SPb. : Vysshaya shkola zhurn. i mas. kommunikatsiy, 2012. S. 196—202.
4. Gridina T. A. Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo. — Ekaterinburg, 1996.
5. Dobrenko E. Gogoli i Shchedriny: uroki «polozhitel'noy satiry» // NLO. 2013. № 121. S. 163—191.
6. Enina L. V. Rossiyskie politicheskie personazhi v dis-kurse komicheskogo // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istoriya, filologiya. 2015. T. 14, vyp. 6 : Zhurnalistskaya. S. 114—118.
7. Zhurnalistskaya sfera dosuga : ucheb. posobie / pod obshch. red. L. R. Dускаевой, N. S. Tsvetovoy. — SPb. : Vysshaya shkola zhurn. i mas. kommunikatsiy, 2012.
8. Kaller D. Teoriya literatury: kratkoe vvedenie. — М. : Astrel' : AST, 2006.
9. Likhachev D. S. Smekh v Drevney Rusi // Izbr. rab. / D. S. Likhachev. — Л., 1987. Т. 2.
10. Maydanova L. M., Chepkina E. V. Mediatekst v ideologicheskoy kontekste. — Ekaterinburg : Gumanitarnyy un-t, 2011.

13. Plotnikova S. N. Komicheskii diskurs // Aksiologicheskaya lingvistika: igrovoye i komicheskoye v obshchenii : sb. nauch. tr. / pod red. V. I. Karasika, G. G. Slyshkina. — Volgograd : Peremena, 2003. S. 162—172.
14. Propp V. A. Problemy komizma i smekha. — SPb. : Ale-teya, 1997.
15. Ushakin S. A. «Smekhom po uzhasu»: o tonkom oruzhii shutov proletariata // NLO. 2013. № 121. S. 130—162.
16. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности : работы разных лет / М. Фуко. — М., 1996. С. 47—96.
17. Фуко М. Археология знания. — СПб. : Гуманитарная Академия : Университетская книга, 2004.
18. Чепкина Э. В. Практики конструирования поля политики в журналистском дискурсе // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 6 : Журналистика. С. 72—77.
19. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — Волгоград, 2000.
20. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. — М. : Новое литературное обозрение, 2014.

11. MID prokommentiroval prozvuchavshee iz ust Lavrova slovo «debily» // RBC. 2015. 12 avg. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/55cb30d79a79476083ad88bb0>.
12. Ostin Dzh. Kak sovershat' deystviya pri pomoshchi slov? // Izbr. / Dzh. Ostin. — М. : Ideya-Press : Dom intellektual'noy knigi, 1999. S. 13—135.
13. Plotnikova S. N. Komicheskii diskurs // Aksiologicheskaya lingvistika: igrovoye i komicheskoye v obshchenii : sb. nauch. tr. / pod red. V. I. Karasika, G. G. Slyshkina. — Volgograd : Peremena, 2003. S. 162—172.
14. Propp V. A. Problemy komizma i smekha. — SPb. : Ale-teya, 1997.
15. Ushakin S. A. «Smekhom po uzhasu»: o tonkom oruzhii shutov proletariata // NLO. 2013. № 121. S. 130—162.
16. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности : работы разных лет / М. Фуко. — М., 1996. С. 47—96.
17. Фуко М. Археология знания. — СПб. : Гуманитарная Академия : Университетская книга, 2004.
18. Чепкина Э. В. Практики конструирования поля политики в журналистском дискурсе // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 6 : Журналистика. С. 72—77.
19. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — Волгоград, 2000.
20. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. — М. : Новое литературное обозрение, 2014.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук Э. В. Чепкина.